

СПЛЕТНИЧАНЬЕ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЛКОГРУППОВОГО ОБЩЕНИЯ

Автор: Д. С. ГОРБАТОВ

ГОРБАТОВ Дмитрий Сергеевич - кандидат педагогических наук, зав. кафедрой Международного института компьютерных технологий (Воронеж).

Общественное сознание вполне устойчиво приписывает сплетням характеристики лживости, злонамеренности, своекорыстности, легковесности. В словаре В. И. Даля зафиксировано как общеупотребительное такое значение: "пересказы и наговоры, смутки, перенос вестей из дому в дом, с пересудами, толками, прибавками" [1, с. 292], а сплетник представлен как "нескромный пересказчик или смутник, смутчик, баламут, переносчик, заглазный пересудчик" [там же]. Тем не менее, следует признать, что несмотря на отчетливо выраженную тенденцию к общественному осуждению, сплетничанье как разновидность коммуникации имеет повседневное и повсеместное распространение. Очевидно, что для этого должны быть веские причины.

Исходя из соображений социальной целесообразности феномена, большинство составителей определений подчеркнуто избегает односторонне негативных коннотаций. При этом аспекты выражения зависти, предвзятой враждебности и косвенной агрессии, по сути, исключаются из рассмотрения как нерелевантные значительной части его проявлений. Так, например, Г. Файн и Р. Росноу [2] употребляют этот термин в значении передачи несущественных (часто тривиальных) новостей о ком-либо. Э. Фостер [3] уточняет, что это обмен приватной информацией оценочным образом об отсутствующих третьих лицах. М. Ноун и Р. Делбридж [4] описывают его как процесс сопряженного с оцениванием неформального обсуждения информации о членах социального окружения. А по мнению А. Бен-Зе'ева [5], это сугубо праздная, беззаботная и расслабляющая коммуникативная деятельность, как правило, не ориентированная на получение значимых внешних результатов. Разумеется, приведенные характеристики не являются исчерпывающими. Тем не менее, они дают возможность представить основные характерологические признаки сплетничанья, устойчиво выделяемые в различных социологических, антропологических и психологических исследованиях. Это: сосредоточенность общения на частной сфере жизни; передача информации на правах новости; локализация обсуждаемых лиц пределами непосредственного повседневного окружения собеседников; отсутствие в данный момент объектов обсуждения (анонимность); праздность времяпровождения; неформальный характер общения; оценочный характер обсуждения действий или намерений объектов сплетни. Далекое не все названные признаки имеют атрибутивный характер. Повседневный опыт показывает, что тематика сплетен подчас выходит за пределы собственно *приватной сферы*, касаясь не только личных дел и частной жизни той или иной персоны, но и особенностей ее взаимоотношений с другими, в том числе вопросов профессиональной компетентности, деловой этики и др. Нельзя не сказать и о том, что встречаются ситуации "перемывания косточек", не содержащие в себе каких-либо *новостей*. Ведь новые факты подчас с успехом заменяются уточненными интерпретациями, совместными воспоминаниями или прогнозами развития событий. А в сплетнях, столь обильно распространяющихся в настоящее время СМИ, мы имеем дело не со знакомыми, а с известными лицами, т. е. не входящими в круг повседневных личных контактов абсолютного большинства читателей или зрителей, что, в свою очередь, позволяет поставить под сомнение вопрос о значимости *общего социального окружения собеседников*.

Однако признак *отсутствия объектов обсуждения* (анонимность), по-видимому, является не только распространенным, но и неперенным. Не секрет, что негативная информация (дезинформация) иной раз в целях конфронтации или провокации рас-

пространяется непосредственно перед лицом "мишеней", исключение которых из общения часто моделируется избеганием контакта взглядов, понижением громкости голоса и иными способами демонстративного игнорирования [6]. Однако с большим основанием такие случаи следует отнести к другим разновидностям коммуникативных взаимодействий, например, скандала или ябедничества.

Наряду с этим необходимо признать атрибутивными проявления признака *праздности времяпровождения*. Трудно представить себе процесс распространения сплетен в ином ситуативном контексте. Как справедливо указали Р. Росноу и М. Джоргоуди [7], даже в тех случаях, когда скрытые мотивы или цель взаимодействия сторон крайне значимы, сплетничанье неизменно сохраняет свой вид праздного взаимодействия.

Показательно, что Р. Росноу [8] квалифицирует сплетничанье как праздность общения, его ненужность для текущей деятельности, которой занимаются собеседники, а также отмечает такую специфику обсуждаемой информации как несущественность, избыточность, нерелевантность для решения актуальных проблем. В той мере, в какой предметом обсуждения становится заведомо несущественная и не относящаяся к делу информация, само общение "автоматически" приобретает признак праздности. Напротив, стремление обеспечить отдых от той или иной деятельности естественным образом влечет за собой соответствующий подбор обсуждаемых тем. Поскольку они предстают перед нами, скорее, как две стороны "одной медали", нежели в качестве независимых друг от друга характеристик процесса распространения сплетен, считаем достаточным в дальнейшем ориентироваться на ту из них, которая, имеет более широкое значение, относясь к ситуации в целом, а не только к ее информационному аспекту. В то же время выделение такого признака как *неформальный характер* коммуникации в качестве самостоятельного представляется вполне целесообразным. Очевидно, что праздное времяпровождение может иметь место как среди лиц, общающихся в условиях сложившейся иерархической структуры отношений, так и у тех, кто взаимодействует вне ее. В этом плане даже минимальное участие в сплетничаньи становится общепринятым сигналом временной готовности к общению "без галстука", т. е. без учета различий в занимаемых социальных позициях. Так, Д. Эдер и Дж. Энке [9] выявили, что если право на инициирование сплетен или на оспаривание негативной оценки объекта начинающегося обсуждения обычно сохраняется только за лицами, имеющими достаточно высокий статус среди присутствующих, то продолжение и развитие подобной беседы неизменно осуществляется любыми представителями сообщества вне зависимости от их индивидуального положения в нем.

Далее, проблематично представить сплетни без сколько-нибудь выраженного *оценивания* их "мишеней". Тогда они превращаются в простой обмен фактами, что делает совершенно неоправданным столь категоричное неприятие их общественным сознанием. Другое дело, что внешнее выражение оценок обсуждаемых объектов нередко не имеет вербального характера, проявляясь мимически, в виде понимающих улыбок, обменов взглядами, многозначительных пауз, тех или иных изменений интонации, восклицаний, красноречивых жестов. Однако само наличие оценочных суждений представляется несомненным. Определяя оценочный компонент как весьма существенный для понимания природы сплетен, рассмотрим основные трактовки его содержания.

Согласно одной из них, базирующейся на теории социального сравнения Л. Фестингера [10], выбор объекта для оценивания детерминирован стремлением индивида к получению точной или же искаженной информации от своего социального окружения. Как указывают С. Верт и П. Сэйлоуей [11], для переживания чувств морального превосходства, самодовольства, презрения в качестве "мишени" сплетни, скорее всего, окажется избранным лицом, заведомо уступающее в выраженности оцениваемых качеств. Подобное социальное сравнение будет более безопасным и показательным. Если же сплетник стремится, скажем, к самосовершенствованию, объектом для сравнения станет тот, кто заметно превосходит его по тем или иным качествам. Это позволит, с одной стороны, получить необходимые для достижения успеха сведения, а с другой - выразить чувства негодования, зависти и ревности в социально не поощряемой, но, в принципе, допустимой форме, т. е. сплетней.

Иная, более распространенная, интерпретация содержания оценочного компонента сосредоточена на аспектах установления несоответствия поведения "мишени" значимым для собеседников стандартам. По мнению Р. Росноу, та или иная история может быть квалифицирована как сплетня не потому, "...что она является верной или

ложной, но вследствие того, что, являясь легковесной и несущественной на одном уровне, она заслуживает серьезного восприятия, так как имеет дело с моральным или нормативным характером или качеством" [12, р. 211]. Нравственные принципы, общественные традиции, культурные ценности, групповые нормы - вот те субъективные ориентиры, на которые полагаются собеседники, оценивающие свои объекты. Парадокс в том, что феномен, категорически осуждаемый, с точки зрения общественной морали и социокультурных традиций, в свою очередь, предполагает строгое осуждение нарушений поведенческих норм и попыток игнорирования значимых ценностей. Совместное обсуждение неких "мишеней", осуществляемое сплетниками, невозможно без опоры на единую или, по крайней мере, значительно совпадающую у разных лиц оценочную шкалу. Другими словами, существует "запас разделенного знания, который индивиды используют, когда взаимодействуют друг с другом" [13, р. 194]. В него могут входить конкретные сведения из сложившейся истории взаимоотношений, прошлых событий и поступков членов сообщества, что помогает собеседникам согласованно интерпретировать косвенные оценки, легкие намеки, неоднозначные комментарии. Но следует признать, что сплетничанье нередко объединяет и лиц, не связанных прежде социальным окружением, скажем, пациентов в палате или попутчиков в поезде. Поэтому более существенной и даже непрременной представляется другая составляющая - разделяемая субъектами оценивания базовая информация о поведении одобряемом и неприемлемом. Именно она образует совпадение полюсов оценочной шкалы при формулировании суждений о других, становясь тем фундаментом, на котором выстраиваются все беседы такого рода. Проследим, каким образом это происходит.

Сообщая о нарушении тем или иным лицом групповых норм, инициатор сплетничанья одновременно совершает, как минимум, три действия, апеллирующих к упомянутому базовому знанию: 1) самим актом повторения истории сигнализирует, что воспринимает ее как существенную; 2) различными невербальными средствами и сопутствующими словесными комментариями демонстрирует модальность и интенсивность своего отношения к произошедшему; 3) предъявляет определенные ожидания к реакциям слушателей. Все они содержат в своей основе мысль сплетника о совпадении его позиции с мнениями других. И когда он спрашивает собеседников о том, что те думают в том или ином случае, это предполагает неявное утверждение, что они не интерпретируют ситуацию иначе, чем он сам.

Часто само базовое знание при этом подразумевается, но не высказывается. Это не случайно: подобная дополнительная деталь, с одной стороны, призвана подчеркнуть высокую социальную компетентность инициатора сплетничанья, для которого наличие и значение этого знания предельно очевидны, а с другой - содержит в себе запрос к другим относительно осведомленности каждого в столь существенном для последующего взаимодействия с ними аспекте.

Но даже в том случае, когда происходит обсуждение не только факта нарушения кем-то норм, но и самих основополагающих норм, традиций и ценностей, подобный запрос сохраняет свою силу, касаясь степени правомерности включения данных лиц в группу оценивающих, а не оцениваемых, осуждающих, а не осуждаемых. При этом рассуждение движется по следующему руслу: "Мы знаем о том, что он поступил плохо. А вот думаешь ли ты так же, как и мы, в этом еще предстоит разобраться...". И чем активнее и последовательнее тот или иной собеседник, осуждая отсутствующих других, демонстрирует собственную искушенность в групповых нормах или социальных установлениях, тем более отчетливо он сигнализирует присутствующим о своем праве находиться среди них. Напротив, отказ от совместного осуждения кого бы то ни было, воспринимаемый другими как следствие социальной некомпетентности или девиантности, влечет за собой сперва попытки переубеждения, а затем и исключение "недостойного" из сплетничающего состава с переводом его самого в разряд "мишеней" последующих коммуникативных взаимодействий.

Таким образом, характеризуя специфику реализации оценочного компонента сплетничанья, необходимо принимать во внимание то, что этот процесс является не только совместным, но и взаимно (хотя и неявно) согласованным на всем своем протяжении. Действуя в условиях своеобразного испытания, когда косвенно проверяется приверженность каждого к разделяемой всеми информации, сплетники приходят к тому, что Дж. Тернер именуется "прототипной групповой позицией", т. е. к той, "...которая

наилучшим образом отражает то общее, что присуще членам одной группы и что отличает их от других, кто находится вне группы" [14, с. 111]. Декларируемое сходство субъективных поведенческих стандартов собеседников становится весьма важным фактором их объединения в своеобразную замкнутую когорту "искушенных экспертов" или "непогрешимых судей". При этом любой разговор о нарушении конкретным лицом социальных или групповых пределов дозволенного одновременно означает не только то, что присутствующие осведомлены относительно границ приемлемого поведения, но и что они признают особую важность их соблюдения и сами тщательно придерживаются их. "Мы лучше, чем они" - вот рефрен, который обычно сопровождает процесс заочного оценивания других. С учетом сказанного, определение *сплетничанья* как коммуникативного феномена принимает следующий вид: *это неформальное оценочное взаимодействие в отношении отсутствующих лиц, протекающее в условиях праздного времяпровождения на основе общей приверженности собеседников неким социальным установлениям и сложившимся групповым нормам*. Соответственно, *сплетни* являются результатами описанного процесса, устными или письменными сообщениями, сведениями, известиями.

В связи с дискуссионностью предлагаемого определения сделаем две существенные оговорки. Во-первых, *мы предпочитаем говорить об оценивании (оценочном взаимодействии), но не об осуждении* (критической оценке) других лиц, находясь под влиянием сложившейся в социологических исследованиях традиции последовательного разделения сплетен на категории "позитивных" и "негативных", т. е. связанных с похвалой "мишени" или с ее охаиванием [15]. Вместе с тем, соглашаясь с возможностью существования сплетен, напроць лишнего критического потенциала в отношении своих объектов, считаем завышенными некоторые эмпирические данные [16], свидетельствующие о весьма значительном их распространении. Во-вторых, думается, что сплетни, поступающие к читателям или зрителям посредством СМИ или со страниц художественных произведений, из кинофильмов и т. п., также могут рассматриваться как продукты *оценочного взаимодействия*. Другое дело, что последнее приобретает специфичный характер, а именно, становится опосредованным, заочным и процессуально не синхронизированным у различных участников. Ведь в той мере, в которой реципиенты разделяют оценки, поведенческие стандарты и эмоции коммуникаторов, а те, в свою очередь, ориентируются на предполагаемые реакции потенциальной аудитории, стороны уже вступают в некое условное взаимодействие.

Перейдем к проблеме выявления роли предназначения сплетничанья в социальной среде. В настоящее время для ее решения применяется два различных уровня анализа: групповой и индивидуальный.

На групповом уровне сплетничанье воспринимается как один из распространенных *способов саморегуляции* того или иного сообщества для преодоления спорных ситуаций или достижения актуальных нужд. К примеру, с позиций функционализма М. Глакмен таким образом определил предназначение сплетен: "Они очевидным образом поддерживают единство, нравы и ценности социальных групп. Кроме того, они позволяют этим группам удерживать под контролем конкурирующие клики и тех целеустремленных индивидов, из которых все эти группы состоят. И, наконец, они делают возможным протекание отбора лидеров без ненужного замешательства" [17, р. 308]. В свою очередь, Д. Джоунс, описывая сплетничанье в рамках феминистического подхода, говорит о функциях "сохранения единства, морали и ценностей женщин как социальной группы" [18, р. 193], "создания общей картины мира посредством укрепления и оспаривания ограничений женской роли" [р. 195], а также "обеспечения взаимной поддержки ... комфорта, катарсиса и развлечения" [р. 197].

Отметим, что несмотря на определенные различия, в силу которых в одном из приведенных примеров при освещении функций сплетничанья доминируют тенденции осуществления социального контроля, а в другом - субкультурной идентификации, для них характерны сходные ограничения. В частности, речь идет о том, что при групповом уровне анализа вне рассмотрения оказываются все случаи, когда сплетни способствуют процессам дезинтеграции сообщества, редукции групповых ценностей, падению престижа принадлежности к тому или иному социальному объединению в результате интенсивной конкурентной борьбы индивидов [19]. Другими словами, односторонняя трактовка сплетничанья как социально стабилизирующего и потому неизменно целесообразного коммуникативного феномена игнорирует его значительный разрушитель-

ный потенциал. Помимо этого, добавим, что локализация значения сплетничанья исключительно пределами группы никак не способствует распознаванию его роли в ситуациях взаимодействия представителей различных сообществ.

На индивидуальном уровне анализа изучение данного феномена ограничено контекстом получения тех или иных личных преимуществ наряду с другими людьми или в ущерб им. С учетом совокупности предшествующих источников Э. Фостер [20] выделил четыре социальные функции: информационную (дезинформационную - Д. Г.), развлечения, влияния и дружбы (близости). При этом проявления первой распространяются на все случаи, в которых благодаря полученным сведениям "индивид составляет карту окружающей социальной среды" [21, р. 57]. Выделение другой обусловлено тем, что сам процесс является "явной забавой, способом общения, которая для большинства сплетников объясняет их участие" [22, р. 31]. Третья функция оказывается связанной с осуществлением персонального контроля над информационными потоками, перераспределением их в целях собственной выгоды [23]. Наконец, последняя описывает процесс укрепления социальных связей как следствие совместных переживаний удовольствия от общения и удовлетворяемого при этом любопытства, возникновения чувства взаимного доверия при передаче конфиденциальных сведений, а также подтверждения сходства ценностных ориентации [24].

К очевидной недостаточности такого подхода в первую очередь следует отнести состояние "социального вакуума" вокруг сплетничающего индивида. Имеется в виду игнорирование как возможностей ближайшего окружения осуществлять контроль и применять санкции по отношению к нему, так и исторически сложившейся атмосферы общественного осуждения сплетен. Ведь известно, например, что заядлый "сплетник" зачастую теряет авторитет в глазах других, хотя максимальное осуществление им всех перечисленных функций, на первый взгляд, никак не должно приводить к подобному результату. Кроме того, представляется не вполне корректным анализировать деятельность, априори являющуюся всегда совместной, с сугубо индивидуальной точки зрения. В этом плане, по-видимому, правильнее говорить вслед за А. Бен-Зе'евом *о последствиях* сплетничанья для того или иного индивида или *побочных продуктах* данного процесса [там же, р. 14], но никак не о функциях.

Так как ни один из используемых подходов к анализу не может считаться полностью правомерным, необходимо рассмотреть попытку их объединения. М. Ноун и Р. Делбридж в свое время предложили освещать проблему социальных функций данного вида коммуникации с позиций "индивидуума в группе" [25, р. 27] в целях компенсации ограничений, свойственных по отдельности каждому из рассмотренных уровней анализа. Фактически тем самым были созданы предпосылки к эклектическому сочетанию всех ранее упомянутых функций. Однако, согласимся, что возможность их перечисления в рамках некоего реестра оборачивается ориентацией исследователей одновременно на двух различающихся по своему "масштабу" субъектов коммуникативной деятельности, рассматриваемых отныне чуть ли не в качестве принципиально однородных. Вряд ли это оправданно и допустимо.

Предлагая конкурирующее основание для классификации, будем исходить из того соображения, что конкретный акт сплетничанья никогда не осуществляется индивидом вне актуального социального окружения, наедине с собой, а также далеко не во всех случаях охватывает одновременно всю группу, особенно сколько-нибудь значительной численности. Представляется обоснованным в качестве более адекватного уровня анализа социальной роли сплетничанья ориентироваться на наиболее распространенный субъект данного вида коммуникативной деятельности - *мик로그руппу*, на ограниченное время объединяющую двух или нескольких собеседников. Соответственно, речь идет о *диадах и кликах*.

Уточним, что последняя из упомянутых категорий применяется вне какого-либо оценочного контекста в значении, близком к предложенному Дж. Хомансом, который определил клику как подгруппу, характеризуемую более частыми взаимодействиями в рамках той или иной социальной группы [26]. Во многом разделяя мнение исследователей [27], считающих признак сравнительной частотности коммуникаций существенным для понимания природы сплетен, тем не менее, для упрощения анализа в дальнейшем будем исходить из критерия наличия, а не количества данных взаимодействий. Поэтому под кликой сплетников станем подразумевать нескольких лиц (субъектов), занятых в тот или иной момент соответствующей коммуникативной деятельностью.

Каких-либо иных отличий клики от диады, помимо числа взаимодействующих индивидов, при этом не предполагается.

Следует обратить внимание на то, что применение микрогруппового уровня анализа в отношении социальной роли сплетничанья не ограничено изолированными друг от друга диадами и кликами, но, напротив, распространяется на все их множество, образующееся в пределах тех или иных групп в течение некоторого промежутка времени. При этом процесс распространения сплетен по группе в целом обеспечивается теми индивидами, которые последовательно входят в состав различных микрогрупп на время, достаточное для участия в неформальном оценочном взаимодействии.

В каждом случае привнесенный в новую микрогруппу в виде готовой сплетни результат предшествующего оценочного взаимодействия, в свою очередь, становится предметом повторного разговора, рассмотрения и оценивания. Учитывая то обстоятельство, что итоги различных взаимодействий далеко не всегда будут совпадать в отличающихся по своему составу микрогруппах, мы получаем возможность вместо весьма абстрактных по своему содержанию процедур группового контроля в дальнейшем рассматривать поведенческие линии кооперации или конкуренции конкретных диад и клик, а также отношения солидарности или оппозиции их оценочных суждений.

Обращение к микрогруппе как субъекту оценочной деятельности не является чем-то совершенно новым в исследованиях сплетен. К примеру, изучая закономерности их распространения в рамках сетевой теории, Р. Виттек и Р. Виелерс [28] использовали понятие *триады* для обозначения связи собеседников и обсуждаемой "мишени". Н. Карленд и Л. Пеллед [29] при построении модели сплетничанья на рабочем месте ориентировались исключительно на диадические взаимоотношения. Однако до настоящего времени перспективы указанного подхода применительно к аспекту социальных функций не анализировались.

Среди исследователей данного вида коммуникативной деятельности популярна шутка о том, что общее количество функций сплетничанья в точности соответствует числу тех ученых, которые занимались этим вопросом. В этой связи заметим, что преимущества микрогруппового подхода в большей степени заключаются в возможности последовательного уточнения специфики проявлений уже известных функций, чем в перспективах их количественного приращения.

В качестве иллюстрации к высказанному тезису сопоставим материал из двух работ, выполненных в рамках эволюционного подхода, авторы которых выдвинули собственные предположения о причине закрепления сплетничанья в общественном поведении, соответственно, основываясь при этом на индивидуальном или групповом уровнях анализа проблемы.

По мнению Дж. Бэркоу, определяющее значение имели личные интересы, так как новости и суждения о "родственниках, конкурентах, помощниках и потенциальных помощниках, потомстве, равных и превосходящих" позволяли осуществлять персональное управление "ресурсами, сексуальными действиями, рожденьями и смертями, текущими союзами/дружбой, политической принадлежностью, здоровьем и репутацией партнеров" [30, р. 628]. Другими словами, борьба за статус, авторитет, престиж и другие социальные преимущества побуждала конкурирующих индивидов влиять на остальных представителей сообщества в своих целях путем распространения информации/дезинформации между ними. Согласно же Р. Данбару [31], появление сплетничанья во многом обусловлено групповыми целями, а именно, необходимостью установления социального контроля над лицами, чрезмерно руководствующимися своекорыстными интересами в ущерб другим. Иначе говоря, сплетни стали своеобразным неофициальным охраняемым механизмом, направленным против "социальных безбилетников", желающих получать блага без требуемых затрат, нарушителей собственных обязательств, норм группового кодекса поведения и требований общественной морали.

Конкурентная борьба индивидов связана с поиском единомышленников. Она неизменно осуществляется в условиях совместной декларации приверженности членов образующихся диад и клик принципам незыблемости базовых ценностей, социальной справедливости, отстаивания общей пользы и т. п. Ведь задача микрогрупп сплетников как раз и состоит в том, чтобы, подчеркивая их значимость, предъявить свидетельства как собственного соблюдения этих принципов, так и грубого нарушения со стороны других. Сугубо эгоистичные стремления при этом тщательно маскируются, так как

известно, что их явное обнаружение способно значительно уменьшить эффективность влияния [32]. Следует констатировать, что итогом отстаивания личных интересов подобным образом становится укрепление тех норм, ценностей и традиций всего сообщества, к которым апеллируют члены микрогрупп. В свою очередь, социальный контроль направлен на сохранение стабильности структуры сообщества, стало быть, защищает положение самих клик и диад сплетников от покушений со стороны "недостойных". Кроме того, его эффективная организация делает собеседников хранителями общих ценностей, повышая сперва авторитет, а потом и персональный статус каждого. Таким образом, здесь оказываются неизменно соблюдены как групповые, так и личные интересы.

В той мере, в которой идея противопоставления интересов частных и общих уступает место представлению об их специфическом сочетании при сплетничаньи, появляется основание к переосмыслению описываемых функций. Так как каждая из них имеет один и тот же механизм реализации - воздействие на других лиц для изменения их мнения или поведения, то можно говорить о том, что под разными наименованиями сторонниками эволюционного подхода, фактически, рассматривается одна и та же функция *влияния*, взятая изолированно в своем индивидуальном или групповом аспекте. С точки зрения микрогруппового уровня анализа ее более точно следует назвать функцией *взаимовлияния* сплетничанья, подчеркивая тем самым, во-первых, значимость совместного характера оценочного процесса в пределах отдельных клик и диад; во-вторых, роль воздействия оценок ранее образовавшихся микрогрупп на мнения возникающих позднее при передаче сплетен. Действие данной функции распространяется как на проявления конкурентной борьбы микрогрупп, так и на способы осуществления ими социального контроля. При этом столь нередкое для многих сплетничающих сообществ стремление к причинению вреда репутации своих "мишеней" путем применения тактики лжи и обмана также реализуется в контексте взаимовлияния.

Очевидно, что, помимо указанной функции, на микрогрупповом уровне анализа могут быть выделены и другие. Рассмотрим важнейшие из них.

Содержание *информационной* функции не сводится нами к традиционному пониманию "пеленга новостей" о личных делах отсутствующих лиц. При всей несомненной важности этого аспекта для дальнейших взаимодействий с объектами заочного обсуждения получаемая информация косвенно касается всего сообщества. В частности, наблюдения за спецификой поведения собеседников в процессе сплетничанья легко позволяют получить сведения о сложившейся системе межличностных отношений в диадах и кликах, их статусной структуре, особенностях взаимоотношений между различными микрогруппами в пределах единого социального окружения, наконец, способствуют выявлению личностных характеристик самих инициаторов и участников сплетничанья, их последователей и противников.

Определенным преимуществом микрогруппового уровня анализа в сравнении с индивидуальным, где также традиционно выделяется данная функция, является обращение к динамическим аспектам информационного обмена. Последовательно принимая участие в сплетничаньи в составе различных клик и диад, то или иное лицо может, к примеру, в одном случае получить значимую информацию, в другом - передать ее другим, в третьем - дополнить чей-то рассказ деталями из предшествующих взаимодействий, в четвертом - "исправить" услышанное на свой лад и т. д. При этом становится доступным для исследования эффект "испорченного телефона", характерный для многих сплетен.

Обсуждение случаев нарушения (или, реже, соблюдения) теми или иными лицами существующих норм поведения непременно связано с актуализацией в сознании собеседников соответствующих моральных принципов, социальных ценностей и традиций, групповых требований. Поэтому следует согласиться с теми исследователями [33], которые подчеркивают значимость функции *социализации* сплетничанья. Усвоение системы социальных связей, отношений, ролей и норм таким "недидактическим", косвенным способом, по-видимому, играет особую роль на сравнительно поздних этапах онтогенеза, когда возникает необходимость в переосмыслении, коррекции или отказе от накопленного ранее опыта, а не в познании базовых отношений и основ поведения [34].

В процессе взаимодействия сплетники неизменно демонстрируют друг другу собственную социальную компетентность, искушенность в вопросах морали, необходи-

мую выраженность позитивных личностных качеств. Тем самым они, фактически, подтверждают свое право на участие в совместном оценивании чужих поступков. Одновременно каждый член сплетничающей клики или диады не мешает соответствующему самовыражению собеседников и не препятствует их усилиям по дистанцированию от обсуждаемой "мишени". Выделение функции *самопрезентации* позволяет сосредоточиться на описании действий, направленных на формирование благоприятного образа как самих себя, так и других субъектов сплетничанья. При этом ее целесообразно рассматривать не только в рамках конкурентной борьбы, как это делалось прежде [35], но и в качестве средства повышения самооценки, персонального статуса, престижности принадлежности к группе и степени ее сплоченности.

Показательно, что и те, кто склонен расценивать сплетничанье как явно предосудительную деятельность, не отрицают наличия функции *развлечения*. Более того, иногда проводятся, на первый взгляд, неожиданные параллели между данной разновидностью коммуникации и художественными произведениями [36], схожим образом избавляющими читателей от скуки, обеспечивающими отдых от трудоемкой и монотонной работы, стимулирующими позитивные эмоции.

Действие функции *интеграции* при микрогрупповом уровне анализа охватывает не только процессы инкорпорирования того или иного индивида в социальную среду и возникновения у него отношений приятельства и своеобразной близости с постоянными коммуникативными партнерами, но и особенности укрепления социальных связей между различными кликами и диадами в пределах группы. Различные вопросы, связанные с изучением влияния сплетничанья на феномены идентификации с "Мы-группой", координации систем ценностей и образцов поведения, еще ждут своего решения. В этом плане представляется особо интересным дальнейшее изучение зависимости динамики "разделяемого базового знания" от специфики контактов микрогрупп в ходе распространения сплетен. Дело в том, что привычное понимание сплетничанья как средства выражения групповых норм и ценностей, по нашему мнению, должно быть дополнено его восприятием в качестве одного из способов изменения или отвержения группой устаревших норм, традиций, идеалов и ценностей.

Микрогрупповой уровень анализа функций сплетничанья в социальной среде предоставляет существенные возможности для реализации дальнейших исследований. Однако, не секрет, что в целом проблематика процессов распространения сплетен еще не получила своего отражения в отечественной социологии. Вероятно, это во многом обусловлено влиянием того упрощенного представления о данной разновидности коммуникативной деятельности, которое устойчиво доминирует в общественном сознании. Учитывая то, что речь идет об одном из наиболее распространенных в повседневной жизни феноменов, следует признать, что сложившееся представление о нем нуждается в уточнении. Сплетни - это нечто большее, а нередко и совсем иное, чем пустая болтовня, проекция внутренней враждебности или бесцеремонное вторжение в чью-то частную жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Х. Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: ГИИиНС, 1955. С. 292.
2. *Fine G., Rosnow R.* Gossip, gossipers, gossiping // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1978. N 4. P. 161 - 168.
3. *Foster E.* Research on gossip taxonomy, methods, and future directions // *Review of General Psychology*. 2004. V. 8. N 2. P. 78 - 99.
4. *Noon M., Delbridge R.* News from behind my hand: Gossip in organizations // *Organization Studies*. 1993. V. 14. N1. P. 23 - 36.
5. *Ben-Ze'ev A.* The vindication of gossip // *Good gossip* / Eds. *R. F. Goodman, A. Ben-Ze'ev*. Lawrence: University Press of Kansas, 1994. P. 11 - 24.
6. *Handelman D.* Gossip in encounters: The transmission of information in a bounded social setting // *Man*. 1973. V. 8. P. 210 - 227.
7. *Rosnow R., Georgoudi M.* "Killed by idle gossip": The psychology of small talk // *When information count: Grading the media* / Ed. *B. Rubin*. Lexington, MA: Lexington Books, 1985. P. 59 - 73.
8. *Rosnow R. L.* Rumor and gossip in interpersonal interaction and beyond: A social exchange perspective // *Behaving badly: Aversive behaviors in interpersonal relationships* / Ed. *R. M. Kowalski*. Washington: American Psychological Association, 2001. P. 203 - 232.

9. *Eder D., Enke J.* The structure of gossip: Opportunities and constraints on collective expression among adolescents // *American Sociological Review*. 1991. V. 56. P. 494 - 508.
10. *Festinger L.* A theory of social comparison processes // *Human Relations*. 1954. N 7. P. 117 - 140.
11. *Wert S., Salovey P.* A social comparison account of gossip // *Review of General Psychology*. 2004. V. 8. N 2. P. 122 - 137.
12. *Rosnow R. L.* Op. cit.
13. *Yerkovich S.* Gossip as a way of speaking // *Journal of Communication*. 1977. V. 26. P. 192 - 196.
14. *Тернер Дж.* Социальное влияние. СПб.: Питер, 2003. 256 с.
15. *Elias N., Scotson J.* The established and the outsiders. London: Frank Cass, 1965. 268 p.
16. *Walker C. J.* If you can't say something good, say something bad // Symposium presented at the meeting of the society for personality and social psychology, Los Angeles, 2003, February.
17. *Gluckman M.* Gossip and Scandal // *Current Anthropology*. Utrecht, 1963. V. 4. N 3. P. 307 - 316.
18. *Jones D.* Gossip: notes on women's oral culture // *Women's Studies International Quarterly*. 1980. V. 3. P. 193 - 198.
19. *Paine R.* What is gossip about: An alternative hypothesis // *Man*. 1967. N 2. P. 278 - 285.
20. *Foster E.* Researching gossip with social network analysis. Unpublished doctoral dissertation. Temple University, Philadelphia, 2003. 136 p.
21. *Hannerz U.* Gossip networks and culture in a Black American ghetto // *Ethnos*. V. 32. 1967. P. 35 - 60.
22. *Spacks P. M.* In praise of gossip // *Hudson Review*. 1982. V. 35. P. 19 - 38.
23. *Rosnow R. L.* Gossip and marketplace psychology // *Journal of Communication*. 1977. V. 27. N 1. P. 158 - 163.
24. *Ben-Ze'ev A.* Op. cit.
25. *Noon M., Delbridge R.* Op. cit.
26. Современная западная социология: Словарь / Сост. 10.11. *Давыдов, М. С. Ковалева, А. Ф. Филиппов.* М.: Политиздат, 1990. С. 130.
27. *Blumberg H. H.* Communication of interpersonal evaluations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1972. V. 23. P. 157 - 162.
28. *Wittek R., Wielers R.* Gossip in organizations // *Computational & Mathematical organization theory*. 1998. V. 4. N 2. P. 189 - 204.
29. *Kurland N., Pelled L.* Passing the word: Toward a model of gossip and power in the workplace // *Academy of Management Review*. 2000. V. 25. N 2. P. 428 - 438.
30. *Barkow J. H.* Beneath new culture is old psychology: Gossip and social stratification // *The adapted mind* / Eds. *J. H. Barkow, L. Cosmides, J. Tooby.* Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 627 - 637.
31. *Dunbar R.* Gossip in evolutionary perspective // *Review of General Psychology*. 2004. V. 8. N 2. P. 100 - 110.
32. *Kuttler A. F., Parker J. G., La Greca A. M.* Developmental and gender difference in preadolescents' judgments of the veracity of gossip // *Merrill-Palmer Quarterly*. 2002. V. 48. N 2. P. 105 - 132.
33. *Baumeister R., Zhang L., Vohs K.* Gossip as cultural learning // *Review of General Psychology*. 2004. V. 8. N 2. P. 111 - 121.
34. *Горбатов Д. С.* Сплетня как средство социализации // *Вопросы психологии*. 2007. N 3. С. 106 - 115.
35. *Cox B.* What is Hopi gossip all about? Information management and Hopi factions // *Man*. 1970. N 5. P. 88 - 98.
36. *Aristides (Epstein J.)* Entree nous // *American Scholar*. 1990. V. 59. N 1. P. 7 - 15.